

Полина Филиппова «Фабрика»

Милый дедушка Константин Михайлович, думаю о тебе уже десять лет. Нет, не так. Думаю о себе и о тебе. Как всегда - мы так мало успели вместе, гораздо меньше чем мне - теперь - хочется. Вижу тебя во сне так редко - ты нас совсем забыл, мне кажется. До сих пор не расшифровала твои воспоминания - всё плачу, садясь за них.

Помнишь? Как ты один, маленький, девятилетний ученик семинарии первой ступени, ходишь после уроков на базарные конюшни - вдруг там ваша лошадка (ты так и пишешь - лошадка) “припаркована”, а значит, братья приехали. И ты её целуешь в морду. Всё, заплакала опять. В метро все смотрят теперь. Вот я бы тебя спросила: ты же видел (ты пишешь) первую очередь метро сразу после открытия. Как это было? Как чудо, наверное, да? Мне хотелось когда-то посмотреть на это время - гражданская кончилась, вторая мировая не началась ещё, метро открыли, ещё не 37й. Потом только про всё остальное поняла. А тогда казалось “Москва майская”, почему-то так представляется, девушки ходят парами. Может, потому что ты тогда молодой, а значит практически бессмертный.

Нет, очень томно выходит. Мы бы так не разговаривали. Как думаешь, я бы решилась - вот так сразу, без обиняков, спросить - как ты, дедушка, там, в 37м?

Думаю, нет. Придётся, значит, издалека.

Значит, ты с молодой женой Марией Ивановной приехал в Рассказово. Как-то не думала, Рассказово - большой это город, маленький? Что там есть вообще кроме суконной фабрики братьев Асеевых, ныне имени красной армии, с 2002 года стоит пустая, с горелыми окнами, в карточке объекта написано - “не существует”. Вам с МИ пришлось пожениться - в Тамбове в гостиницу не селили вместе “нерасписанных”.

Ты иронизируешь - и я узнаю твою манеру, тайный скепсис по отношению к любым государственным “деятелям” (ты бы непременно в кавычках написал). И вот вы женитесь в Тамбове - только для государства, чтобы в гостиницу вместе селили, а не порознь. А до того три года жили вместе. Интересно, венчались ли вы? Церковные браки уже к тому времени под запретом, значит, не факт. Но сына, Стасю-то, вы крестили. Тайком приехали. Твой отец, священник, не может

Полина Филиппова «Фабрика»

служить в собственной церкви, которую видно из окон твоего родительского дома - и вы крестите Стасю в кадке посреди горницы. Тайно, как новые первые христиане. Вот уж библейская сцена.

Отвлеклась, прости. Я хотела спросить - ты сейчас вспоминаешь то время? Что бы ты думал о том, что сейчас происходит? Думал бы? Сейчас я бы спросила. Тогда не догадалась - хотя уже были протесты. Стратегия 31, нацболов запретили. Как ты думаешь, похоже было - уже тогда, в 2007? Но тебе уже было тяжело, мне кажется, это ты вряд ли помнишь - как ты почти всё время спал, сначала сидя, потом уже не вставал, а я тебе читала бесконечного Онегина. Кстати, наткнулась в воспоминаниях на "некого инженера ленского из Главшерсти". *Когда мы перебрались в Рассказово в 1929 году там ещё сохранялись остатки НЭПа. Палатки прямо на площади у фабричных ворот. Так что некий инженер Ленский из Главшерсти приезжал в командировку закупить остатки изобилия. Кстати играл у нас на скрипке, МИ и тогда была гостеприимной. Однако это скоро кончилось, но наступление голода и истребления ни в чем неповинных людей ещё не чувствовалось.*

Ой. (зажимает рот рукой)

(возвращается через десять дней)

Долго не писала. Думала. О том, как ты любил собак, животных вообще, кроме, пожалуй, кошек (только говорил им "будьте любезны" и кошки сразу выпрыгивали в окно). Все эти буколики. Широкошумная дубрава.

...ходили за цветами в лесок, примыкающий непосредственно к посёлку. Там мы в предкрайнем доме брали молоко. Крупные синие цветы, которые мы называли лесными фиалками (по-видимому сон-трава), (нрзб) скорее мелкие тюльпаны.

(молчит)

Как ты любил прабабушку - я на неё похожа, видно на фотографиях. Тот же лоб у нас, с ранней мимической морщиной. И я, как она, твоя любимица. Но мне кажется, что что есть какое-то двойное дно, недоговорка - между нами. Как будто вся наша (моя) детская жизнь с

тобой - только игра. Как будто мы толком и не были знакомы.

(начинает заново)

Каково это, смотреть и отворачиваться? Я знаю, ты не мог не ждать ареста. Но я не знаю как ты ждал. У нас дома ведь не принято говорить - "арест". Да даже и в стране у нас так не принято говорить. Арестовать кого-то могут только в новостях. И то чаще "задерживают" и "оставляют под стражей". Как будто так немного спокойнее и процедуре (опять, не аресту, обрати внимание) удаётся придать благопристойный, законный вид. Понимаешь, этот невозможный, по многим причинам (среди которых твоя смерть сейчас и моя юность тогда - далеко не первые), этот невозможный разговор хорошо бы представить хотя бы так. Монологически. Но не подумай, что здесь есть упрёк и надрыв. Я всё понимаю и люблю тебя, и скучаю по-прежнему. Но не знаю, что нам, так поднаторевшим в искусстве эвфемизма и архитектурном умолчании можно было бы обсудить напрямую. Например, жанр "опальный инженер". Помнишь "крупного специалиста" технорука Хуторева, чью судьбу ты "не помнишь"? Это что-то вроде "десять лет без права переписки", означавшие расстрел, так и в твоём словаре - "судьбу его не помню" означает "арест".

Кодовая фраза, как неизбежную встречу с этим человеком в списках репрессированных и книгах памяти. Опального технорука (пять лет лагерей) сменил (судьбу его не помню) "тоже опальный" инженер кухаркин (в списках не значится - пронесло?). Нет, вернёмся к кодовой фразе. Ты про десятки людей, конечно, не помнишь. Впрочем, почему бы и нет? В 90-м тебе 84, имеешь полное право не помнить, правда же?. Мне 4, тебе 84. Я имею право не знать, ты имеешь право не помнить. Или ты всё-таки помнишь, но опасаясь, что перестройка непрочна и уделяешь вместо этого внимание другим, впрочем, не менее важным вещам - конфете шантеклер с петухом на обёртке, подарок крёстной веры антоновны судьбу её не помню клеветаль, Или это и правда честное не помню, происходящее, может, и не от старческой памяти (ты и в сто многое ещё помнил, не вижу причин и тд, ясный ум, до последних минут, оставим, ты всё знаешь), может, мастерская расфокусировка. Ре-фокусировка. Укрупняем мир до размера ландыша. Дышим глубокой грудью и движемся медленно - в

момента. Вокруг немного расстреливают. В памяти остаются цветы и собаки. Так?

Прости, увлекаюсь. Собаки это важно, я тоже в них вполне преуспела и высоко ценю всякое подставленное мне шерстяное пузо. Твою рассказовскую собаку звали Каро.

Твоя работа - техник-конструктор БРИЗа (остатки авангардной роскоши названий), заведующий конструкторским бюро. И ты так платоновски любовно описываешь "немецкого изготовления машина фирмы Zessner". 220 метров сукна вертикальными рядами. Хуторев арестован в 31м году, ты уже два года как в Рассказово, вы знакомы и, возможно (возможно ведь? МИ была гостеприимной) дружны. Давай сделаем так: я рассказываю тебе, кого арестовали, а ты мне - что ты делал. Кузнец Щетинин из деревни Смольная вершина, расстрелян в 30м году. Были вы знакомы? С кузнецом, наверное, нет.... (тут надо как бы заглушать себя) в машине в температурных условиях при циркуляции примерно от 40 вентиляторных крыльчаток выгорали примеси. Паровые котлы "стерлинги" довольно крупные, по 400 м2 поверхность нагрева, были установлены на неподвижных опорах. Ещё жив главный механик Казанцев, фигура тёмная: он потопил какие-то твои рационализации, а потом и вовсе умер. Про него не-доподлинно известно следующее: что он с завода огпу, ты его называешь "другом" и всякий, умеющий распознать твой эзопов язык, знает кому Казанцев друг. Он намечает (снова кавычки) кандидатов. Куда-куда это кандидатов? Умолчим. Кандидаты выбывают один за другим. МИ беременна. В 31м "берут" Хуторева. Стасику год и он сунул палец в пасть пойманной щуке и меня, спустя 60 лет, пугают этой историей. В 34-м арестовали Романова, главного механика. Может он был предшественник Казанцева - и на замену "выбывшему" (кавычки!) Романову прислали человека с завода ОГПУ. Это довольно быстро превращается в ленту фейсбука. Мальчик в матроске учится ходить. Арестовали ячейку преступных возчиков торфа из села Шипы. Им и дадут-то всего(всего!) десять лет, а вот плановика и буфетчика расстреляют. Мальчик бегает, ты идёшь на охоту. Дальше у тебя поэтически, я прочитаю: *Всюду успехи, приветствия. А между тем незримые черные беды приближались. Теперь трудно сказать когда*

и как это подкралось. Ходом вещей и всего происходящего жили по какому-то оболваненному сценарию. Верили. Организовано протестовали (“клеймили”). Промпартия. Врачи-отравители, и тд. Троцкисты, бухаринцы, “враги народа” Речи Вышинского на процессах читались с недоумением, мб, страхом, но всё ещё с какой-то мутной верой. Но вот наконец исчез Николай Антонович. Пошёл на перерыв и не вернулся. Увезла тройка.

Это был жених сестры Симы, которая поседела и никогда уже не вышла замуж, так и ездила за тобой. Его я нигде не нашла, жених исчез безвозвратно.

А дальше, во вторник, 27 июля 1937 года была очень холодная - то есть ясная - ночь, ни облачка в небе, а день был тёплый, уже потом началась жара и грозы. И тут, наконец, пришли за тобой. Ну как пришли - позвонил главный механик. Вызвал к себе. Запер дверь. Сказал: “Вот что Костя. Уезжай-ка ты отсюда немедленно. Подавай заявление. Я тебе помогу”.

Было ли это внезапно? Или, наоборот, ожидаемо? Как на саночках из июльского дня куда-то прочь - заявление, расчёт (книжка расчётная у меня, потому и знаю день). (читает) “Так закончилась моя работа на Арженской суконной фабрике имени Красной армии в г.Рассказово. На другое утро я сходил с Каро на короткую прощальную охоту и оставив всё на руки и заботу МИ, уехал в Москву”. what the fuck, дедушка?! На охоту?!

Как можно дальше не рассказать - как ехал, что думал? Ну, прости, прости. Даже не знаю, что дальше спросить после такого. И вот ты спрятался в Москве, среди людей, через два месяца неведомым образом телепортировалась Мария Ивановна со Стасиком, через четыре нашлась новая работа - на фабрике Красное знамя... где тоже брали ткачей, красильщиков, прядильный цех, сметчиков - и всех свезли на Коммунарку. “А я думал, что из Арженки убежал”.

Наверное, можно составить из них, из не-убежавших целую фабрику. Суконную фабрику на Коммунарке. Начальство из главшерсти, возчики торфа и буфетчик с кузнецом, снова сметчики и прядильный цех... нет одного инженера-конструктора, но их там так много, что одного можно и не заметить. И вот ты не на суконной фабрике мёртвых, вот всё-таки

Полина Филиппова «Фабрика»

убежал. И вы снова нашли место, куда идти за цветами, и всех новых собак твоих зовут Каро, также как ту, видимо, оставшуюся в прежней жизни. Новая жизнь хороша - фабрика рядом, можно ходить пешком. И ты строишь дом, сажаешь деревья, и сын твой растёт, а фабрика рядом.